

ФИЛОСОФИЯ

С.И. Везнер, Ю.Ю. Першин

ВНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ
«ВОЕННОГО МЕТАДЕЙСТВИЯ»

В статье «Архаическое сознание в контексте «военного метадействия» [9] мы предложили рассматривать современную деятельность войсковой разведки как объект теоретизации, начиная с исследования истоков когнитивного поведения человека, в котором она имеет свои корни. Для этого мы посчитали необходимым обратиться к исследованию архаического сознания, когнитивно-коммуникационного по своей сути. Таким образом, мы считаем, что проблема экспликации архаического сознания в его военно-прикладном аспекте, определённо является актуальной. При этом мы, прежде всего, исходим из понимания архаического сознания как сознания архаического/первобытного человека, ставящего себе целью выживание в сложном природном и социальном окружении. Именно в состоянии выживания, состоянии проживания опасности, постоянном чувстве опасности и близкой возможной смерти, на наш взгляд, возможно наиболее полное проявление сущностных черт архаического сознания.

В современной жизни подобное психофизическое состояние достижимо только в экстремальных ситуациях, когда архаическое поднимается из глубины психики человека, вскрывает «тонкую пленку» цивилизованности и подчиняет действия человека единственно верному в такой ситуации алгоритму и рациональности – выживанию. Одним из таких состояний, в которых возможна экспликация архаического сознания, является актуализация хронотопа выделенного во времени «военного метадействия»¹, включающего в себя, помимо прочего, экстремальные телесные практики. Это хронотоп одного из *технэ*² военного метадействия – войсковой разведки как комплекса собранных в ограниченном пространстве и времени психофизических и коммуникационных состояний и действий³. Но именно физическому телу, как составляющему физического мира, предстоит парадоксально одновременно являть с ним единое целое, и в то же время различное, индивидуальное, вступающая таким образом с ним в коммуникацию.

Везнер Сергей Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения ФГБОУ ВПО «Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России», г. Новосибирск.

E-mail: veznersergey@mail.ru

Першин Юрий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры перевода и переводоведения ФГБОУ ВПО «Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России», г. Новосибирск.

E-mail: pershiny@mail333.com

¹ Понятие «метадействие» мы объяснили в статье [9].

² Др. греч. *технэ* – ремесло, мастерство, искусство, наука.

³ О «духовной» составляющей военного метадействия хорошо пишет М.И. Драгомиров: Война и только война вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека, в особенности его воли, которое показывает всю меру его мощи и которое не вызывается никаким другим родом его деятельности [5, с. 4–5].

При этом мы, прежде всего, исходим из понимания архаического сознания как сознания архаического/первобытного человека, ставящего себе целью выживание в сложном природном и социальном окружении. Именно в состоянии выживания, состоянии проживания опасности, постоянном чувстве опасности и близкой возможной смерти, на наш взгляд, возможно наиболее полное проявление сущностных черт архаического сознания.

Обучение войскового разведчика актуализирует, помимо прочего, проблему обучения экстремальным телесным практикам.

Суть проблемы такого обучения – воспроизведение обучаемым (в нашем случае – курсантом) хронотопа боевой ситуации, в котором какое-то время находился обучающий, проживая его, и получая определённый опыт. Более того, он не просто находился в этом хронотопе, но и представлял собой элемент открытой системы как совокупности определённого времени, определённого места, определённой ситуации, состояние которой фиксирует хронотоп. Однако воспроизведение такого хронотопа как некоторого статуса открытой системы должно включать как непосредственно фиксируемые условия и факторы, так и скрытые – чувства, действия, бессознательные реакции, причинно-следственные связи взаимодействий элементов системы и пр., вплоть до воспроизведения психофизиологического статуса обучающего, когда тот был частью этой системы. Воспроизведение такого хронотопа – это, фактически, реконструкция некоей реальности, которую человеку, не прожившему этот хронотоп, очень трудно воспроизвести. Однако тренировка способности собирать и (в будущем) воспроизводить реальность, близкую к уже бывшей или возможной, также является вспомогательным средством для того, чтобы в реальной ситуации у обучаемого включились усвоенные навыки такого реконструирования. Подчеркнём, что речь идёт не просто о линейном процессе обучения как передаче опыта, пусть даже и самым лучшим путём, наиболее наглядно и полно, а об умении обучаемого воспроизвести определённый хронотоп боевой ситуации. Такой подход означает не только обучение курсанта пониманию психологии (своей и противника) и последовательности действий в определённой боевой ситуации. Принимая человека, дей-

ствующего в определённой боевой ситуации, его окружение и его противника как сложную открытую систему со множеством обратных связей, мы передаём курсанту «дух», философию ситуации, её объёмность, раскрываем метадействие, включающее в себя тонкие, практически незаметные системные эффекты. Такое обучение будущего специалиста представляет собой сложную задачу. Но её решение невозможно без детальнейшей теоретизации происходящих в системе (а также в самом хронотопе боевой ситуации, как определённом пространственно-временном статусе этой системы) процессов. Более того, на наш взгляд, сама система должна рассматриваться с несколько иной, чем обычно, стороны.

Мы будем принимать за систему не объективно существовавшую в пространстве и во времени боевую ситуацию во всех взаимосвязях входивших в неё вещей и явлений, преимущественно независимых от сознания человека, а совокупность тех элементов этой системы и взаимосвязей между ними, которую человек связывает в единое своим *вниманием*. Чем полнее внимание человека, тем больше он может удержать в нем элементов системы, проследить их взаимосвязи. А это значит – лучше понять работу системы, и соответственно, наиболее адекватно и эффективно встроиться в неё и действовать в ней. Чем ограниченнее внимание человека, тем меньше элементов системы оно способно объединить, в нем остаются лакуны, мешающие человеку понять взаимодействие элементов системы и, следовательно, действовать в ней адекватно и эффективно. Таким образом, *внимание* является одним из антропогенных системообразующих факторов, связывающих элементы системы в единую коммуникативную реальность. И поставив проблему воспроизведения хронотопа открытой системы, кото-

рую представляет собой боевая ситуация, мы должны прежде всего актуализировать проблему «топологии внимания», передаваемой от обучающего обучаемому, а также качества этого внимания.

Внимание является одной из составляющих архаического сознания, одновременно результатом и источником становления человека. И если мы берём самого человека как систему, то внимание как системообразующий фактор есть также человекообразующий фактор. Более того, внимание – это суть коммуникации человека с миром, их обратной связи. Для того чтобы человеку быть человеком, ему необходимо овладение и управление вниманием. Внимать – значит впускать в себя, содержать и удерживать в себе постоянно, постоянно производить усилие внимания. Такое постоянное предельное внимание к себе, предельное самосознание делает жизнь невыносимо трудной, но оно даёт превосходство над животным. Главным физиологическим фактором, считает С. Кук, способствовавшим становлению человека является способность долго и вдумчиво удерживать внимание [11, р. 75]. Именно в этом и есть указанное превосходство, так как человек получает возможность не просто проживать определённые экзистенциальные ситуации, но и подвергать их рефлексии. Так Х. М. Уэстропп [14, р. 10] пишет о понимании первобытными людьми языка природы через постоянное и внимательное наблюдение за своим природным окружением. Л. Леви-Брюль [8, с. 87-90] приводит факты изумительного, феноменального владения «дикарями» вниманием и памятью, которая удерживала «известное количество незначительных на вид фактов в их последовательности», что также невозможно без цепкого почти физически ощущаемого внимания. Р. Фокс [12, р. 187–188] говорит о поразительном внимании и наблюдательности исследуемых им примитивных людей. О страстном внимании у индейцев к окружающему миру и их способности подмечать мельчайшие различия пишет У. Роббинс [15, р. 9, 12] с коллегами. У архаического человека, находящегося на самом примитивном уровне разви-

тия и восприятия, по С. Гутри, внимание к своему окружению максимально напряжено и сверхчувствительно. Оно направлено на мир, окружающий первого человека¹. То есть, первоначально человек постоянно находится в объёмном, пространственном внимании ко всему. Ранее Р. Арнхейм также писал о том, что человек постоянно сканирует обстановку, в которой находится, причём, чем больше он отсканирует, тем лучше [10, р. 165]. Такая концентрация внимания вокруг себя, на пространстве – серьёзное напряжение, без которого не было бы человека. Это объёмное внимание – пространство коммуникации человека с окружающей средой, с миром. Человек конструирует, строит и разрушает мир своим вниманием.

Очень удачно о сотворении мира вниманием пишет Е. В. Золотухина-Аболина, полагая, что человеческое «бытие-в-мире» – это «бытие среди вещей и существ, которые мы, обладатели чувств и сознания, «извлекли» из непредметного полотна бытия» [6, с. 182]. Таким образом, автор считает, что уже само обладание вниманием ставит человека на уровень демиурга, создающего мир, так как избирательное восприятие-полагание мира, т. е. активная концентрация внимания на определённых сторонах реальности (когда одно замечается, а другое – нет), сродни творчеству [7, с. 165]. Сам процесс такого созидания реальности вниманием похож на удаление скульптором лишнего камня, из которого должна появиться скульптура. То есть сначала нужен «камень», пишет исследователь, нужна действительность как поток впечатлений на всех уровнях и лишь в этом потоке, направляя своё внимание, мы усматриваем все фигуры нашей реальности – социальной и индивидуальной. Кроме того, сотворение мира вниманием, и прежде всего на уровне ощущений, в большинстве случаев не осознаётся [6, р. 182]. Здесь, по мнению Золотухиной-Аболиной, нельзя обойтись без субъектно-объектной схемы, потому что направленное внимание, его живой луч предполагает некое отстояние «внимающего» от того, чему он внимает. Само внимание создаёт свои объ-

¹ И только на более поздней стадии развития человек начинает привязывать внимание к отдельным объектам [13, р. 100]

екты с их множественными конфигурациями, выхватывая из континуальности мироздания отдельные фрагменты, влекущие к себе наш интерес. Статус существования автоматически присваивается тому, на что внимание обращено. Более того, субъект внимания может выбирать разные ракурсы действительности, т. е. выбирать из того, что есть [7, с. 164–165].

Однако если мы говорим об архаическом сознании, то высказанные Е. В. Золотухиной-Аболиной положения отчасти не работают. Дело в том, что современный человек извлекает из «непредметного полотна бытия»¹ лишь те предметы, которые он научен извлекать, и игнорирует те, которые не научен. Привыкая к порядку вещей в окружающей реальности, он перестаёт обращать внимание на своё окружение, которое также превращается в «непредметное полотно бытия». Иными словами, человек теряет внимание, следовательно, теряет присутствие в бытии (М. Хайдеггер). Реальность провоцирует его на внимание, изменяясь не так, как он хочет, она вытягивает из него внимание, требует внимания. Современный человек – это человек с атрофированным вниманием. Он не понимает всей серьёзности окружающей реальности, окружающего мира, который каждое следующее мгновение не несёт в себе для него смертельной опасности. Для архаического человека «непредметное полотно бытия» было одновременно предельно предметным, оно не требовало внимания к себе, оно получало его в избытке. Его единство диктуется не бессубъектностью «серого» фона из огромного набора вещей-не-объектов, из которого вниманием избирательно выделяются отдельные «цветные» вещи, а многочисленными связями-взаимодействиями между всеми вещами, спаивая их в единый организм, единое тело бытия. Здесь можно согласиться с Е. В. Золотухиной-Аболиной, которая приводит для примера идеи Д. Бома о явном и неявном (имплицитном) порядке Вселенной. По Д. Бому, явный порядок, или наш предметный мир, возникает благодаря участию наблюдателя. Именно человеческое восприятие выделяет определённые аспекты из кон-

тинуальной реальности имплицитного порядка и создаёт эксплицитный порядок повседневного мира. Осуществляемая направленным вниманием фрагментация порождает иллюзию действительности, составленной не из подвижных, динамичных, непрерывно взаимодействующих паттернов, а из стабильных вещей, и такая иллюзия становится основой опасных механистических заблуждений [6, с. 186]. Здесь Д. Бом, на наш взгляд, точно подметил отрицательные черты современного внимания, дробящего мир на фрагменты и неспособного собрать их воедино, увидеть между ними взаимосвязи, неспособного увидеть целостность мира. По отношению к вещам, которые преходящи, взаимосвязи между ними стабильны и онтологичны. Видя реальность единым субъектом, сотканым из множества взаимосвязей, человек архаический таким образом не столько выбирает объекты своего внимания, сколько начинает ощущать себя объектом пристального внимания, а также воздействия. Здесь зарождается первая коммуникация с миром. Включение в неё означает включение во взаимосвязи между вещами. По аналогии, именно из таких взаимосвязей состоит военное метадействие. И специалист, извлекающий информацию из военного метадействия, извлекает информацию прежде всего из этих взаимосвязей, обращая на них внимание, понимая их, замыкая их на себя, являясь со-коммуникантом.

Континуальность, целостность и устойчивость взаимосвязей мира воспринимается архаическим сознанием как незыблемый порядок, повторяющееся движение, в которое можно включаться только с помощью движения – ритуала. Поэтому ритуал консервативен, и если мы говорим о конструировании реальности вниманием, то ритуал – это средство против конструирования реальности, это воспроизведение сконструированного мира, так как внимание обращается на то, на что обращали внимание предки. Именно их внимание реконструируется, культивируется, сохраняя язык общения с реальностью, с миром. Утрата составляющих ритуала – это утрата фрагментов внимания, это манифестация

¹ Здесь и далее в терминах Е. В. Золотухиной-Аболиной.

фрагментации внимания, разрушение языка общения с миром. Более того, это разрушение коллективного внимания, коллективного сознания, его фрагментация и «замусоривание» в попытках его восстановить и воспроизвести. Именно поэтому Е. В. Золотухина-Аболина справедливо замечает, что «социокультурные карты внимания» конкретных народов, созданные в рамках определённых этнополитических и этнокультурных представлений, нередко не совпадают с аналогичными «картами внимания» других народов, что создаёт трудности общения, непонимание и слепоту к тем моментам в чужой культуре, которые не входят в «круг внимания» культуры собственной [6, с. 183]. Осознание этого особенно важно для человека, сталкивающегося с иной культурой в экстремальной ситуации. Однако следует учесть и то, что карта внимания, встроенная в архаическое сознание, отличается от карты внимания современного человека. И это также создаёт свои трудности. Например, по мнению Золотухиной-Аболиной, для человека реально существует лишь то, что им замечено. Но для осуществления такого существования очень важно, чтобы другие люди согласились с тем, что нечто, замеченное одним человеком, существует. Внимание должно стать разделённым, коллективным, чтобы придать замеченному нами онтологический вес. Другие должны согласиться с нами в истолковании того, что именно существует. Это относится к явлениям как внешнего, так и внутреннего мира [7, с. 162]. Здесь нам следует уточнить, что в этих положениях говорится о внимании современного человека, который в повседневной жизни с присущим ему атрофированным вниманием «выдерживает», «выхватывает» вещи из континуальной реальности. Именно после такого выхватывания человеку нужно удостоверение того, что он выхватил из реальности. Искусственная реальность, в которой живет современный человек, богата на симулякры, и для существования симулякра иногда совершенно достаточно, чтобы и другие ввели его в своё внимание и подтвердили его существование. Таким образом современное сознание может придать существование любой химере, если будет согласно на её существование.

Можно согласиться с Е. В. Золотухиной-Аболиной в том, что мы «не сознательно творим свою реальность по рационально выстроенным лекалам, а «вылавливаем» из фона действительности либо то, что заведомо задано, либо порой вообще что придётся» [6, с. 182]. Но следует заметить, что такое несознательное творчество является манифестацией падения внимания современного человека. Оно говорит о неспособности человека рационально и адекватно принимать во внимание реальность. У человека просто нет указанных рациональных лекал, так как нет понимания, или общей теории этой реальности. А те, что есть, не соответствуют положению вещей. Поэтому положение Е. В. Золотухиной-Аболиной о конструировании реальности вниманием можно принимать с большой натяжкой. Невозможно конструировать реальность, когда человек не знает сам инструмент конструирования – внимание – и не умеет им пользоваться. Более того, он пользуется уже кем-то сконструированными картами внимания. Человек не уделяет внимания самому вниманию. Созданная человеком комфортная среда обитания просто убивает внимание, которое актуализируется только тогда, когда среда показывает свою репрессивность, неподчинение. Таким образом, наше внимание – внимание чрезвычайной ситуации. Но оно не может предсказать эту ситуацию, так как само фрагментарно и мир отражает фрагментарно.

Отсюда возникает проблема воспроизведения хронотопа боевой ситуации. По нашему представлению, для проникновения в такого рода хронотоп, современный человек не обладает качеством внимания, необходимым для такой процедуры. Качество внимания представляется очень важным, так как человек, прежде всего, живёт в конкретных взаимосвязях [3, с. 72] и, воспроизводя хронотоп, он должен удерживать во внимании и таким образом воспроизводить и их. С редуцированным и фрагментированным вниманием это невозможно. Иными словами, с современным некачественным вниманием невозможно *быть в мире*. Ограниченное внимание ограничивает ощущения, ограничивает восприятие, следовательно, ограничивает понимание, восприятие и проживание бытия и любого его пространственно-временного фрагмента.

3/2014

Рассмотрение теоретических положений о внимании, на наш взгляд, даёт понимание важности внимания как фактора при специализированной военной деятельности, к которой без малейшего сомнения можно отнести и разведывательную деятельность, в частности, войсковую разведку. Здесь практически вся деятельность специалиста направлена на то, чтобы управлять своим вниманием и вниманием противника, а для этого ему надо знать его карту внимания. Таким образом, специалист-разведчик должен, если мы сформулируем его задачу в философском поле в терминах Хайдеггера, более присутствовать¹ в мире, чем его противник, и не допускать падения внимания, ухудшения его качества, объёмности, концентрации. Мир, в котором он противостоит противнику, должен быть его, создан и сконструирован, присвоен им самим, он должен быть с этим миром единым целым, для того, чтобы сразу же увидеть и почувствовать его изменения. Такое единство достигается пронизыванием, обволакиванием окружающего мира объёмным плотным вниманием. Объёмность внимания должна связывать реальность в единое целое в гармонии её взаимосвязей, при этом дисгармонирующая вещь должна сразу же привлекать внимание. Здесь калибровка внимания исходит из того, насколько тонкую разницу между «было» и «стало» оно может обнаружить, и на этом основании понять то, что «будет». Собственно, эта разница, как и наличие мельчайшей дисгармонии в объёмном удержании мира во внимании, является информацией для разведчика, от которой может зависеть как жизнь его самого, так и его товарищей.

Объёмность внимания обязательно следует рассматривать и в коммуникативном аспекте, как фактор восприятия адресата коммуникации. Объёмное откалиброванное внимание способствует точному, достоверному и достаточно полному выявлению намерений, целей, установок, состояния, отношения различных коммуникантов, попадающих в пространство внимания – представителей противника, мест-

ного населения и пр., что является одной из задач тактико-специальной подготовки войскового разведчика внутренних войск [1, с. 91, 97]. Этому способствует умение военного специалиста не только вступать и поддерживать разговор, проводить опрос, но и понимать мимику, движения, микродвижения людей, что невозможно без профессиональной тренировки и владения вниманием. Иными словами, в рамках формирования будущего военного специалиста стоит задача формирования у него такого объёмного внимания, которое даёт ему возможность одновременно с восприятием слов собеседника замечать и понимать его микродвижения. Такое внимание, которое можно также назвать лингвопантомимным, мы понимаем внимание, направленное на вербальную деятельность и пантомиму (телодвижения, мимику), взятые в единстве, в их целостности.

Мы считаем, что формирование лингвопантомимного внимания должно исходить из специфики воспринимаемого объекта. Сама лингвопантомима имеет жанровую, этнокультурную и авторскую природу [2]. Поэтому при её анализе уместно сочетать подходы, направленные на выявление жанровых, этнокультурных и индивидуальных особенностей. Для повышения точности внимания значимой является задача формирования представления о речевом жанре как элементе совокупности жанров. Особенности отдельного жанра (в том числе коммуникативная цель, отношение между коммуникантами) становятся более выпуклыми на фоне сопоставления с родственными жанрами, относящимися к одной совокупности. При формировании жанрового аспекта лингвопантомимного внимания необходимо выявить ряд важных параметров, манифестируемых речевым жанром: цели коммуникации, отношения между её участниками.

Развитое восприятие этнокультурной лингвопантомимы предполагает знание культуры, включающее представления о вербальных и невербальных формах коммуникации, имеющих национально-культурную специфику. Такое знание поможет

¹ Заметим, что английское слово *attention* – внимание имеет один корень с *to attend* присутствовать посещать, присутствовать в том, на что обращено внимание. Связывание элементов системы в единую коммуникативную реальность объёмным тонко откалиброванным вниманием, присутствие в ней и понимание цепи причинно-следственных связей аналогично присутствию в том, что называется «изменённым состоянием сознания».

3/2014

военному специалисту выявить настрое-ние местного населения через чтение лиц, движений, наряду со словами. Выявление индивидуальных особенностей лингвопантомимы имеет особую актуальность. Она обусловлена задачей получения достоверных сведений от тех или иных лиц. Поэтому важно формировать и углублять представление о сингармоничности или дисгармоничности речевого поведения с пантомимой. Важно «знать, в каких отношениях находятся вербальные и невербальные средства выражения – либо они согласованы (в таких случаях говорят, что они «сингармоничны») и тогда производят впечатление истинности, искренности, убежденности говорящего в том, что его слова соответствуют внутреннему его убеждению, состоянию, внутренним (мысленным и эмоциональным) оценкам; либо они не согласованы («дисгармоничны» или даже «антагонистичны»), и тогда партнёр ощущает неискренность, ложь и пр. в словах говорящего» [4]. Откалиброванное объёмное внимание позволяет «впечатлению» и «ощущению» перерасти через уверенность в знание. Отметим, что, на наш

взгляд, при формировании указанной способности необходимо пояснить будущему специалисту, что делать вывод о сингармоничности или дисгармоничности нужно с учётом индивидуальной целостности лингвопантомимы. То, что для одного человека будет сингармонично, для другого может оказаться дисгармоничным. В этом случае широко распространённые шаблонные представления о языке тела и т.п. могут помешать правильному истолкованию единства слова и телодвижения, имеющего личностную природу.

В итоге можно прийти к выводу о том, что внимание является фактором жизненно важным для военного специалиста. Изменения в окружающей его реальности, как и микроизменения в лингвопантомиме каждого отдельного человека невозможно истолковать, если их предвзвешенно не *принять во внимание*. Отсюда проработка темы внимания также имеет значительный потенциал и требует дальнейшего развития в рамках *теоретизации военного действия и метадействия*, одним из аспектов которой является *философия разведки*.

1. Баранов А.Р., Маслак Ю.Г. Тактико-специальная подготовка войскового разведчика внутренних войск: учебно-практическое пособие. М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 368 с.

2. Везнер С.И. Взаимодействие вербальных и невербальных средств: проблема лингвопантомимы // Проблемы прикладной лингвистики: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2013. С. 12-14.

3. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.

4. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения // Вопросы психолингвистики / И.Н. Горелов. – 2003. – № 1. http://www.rowanleaf.net/?page_id=59

5. Драгомиров М.И. Разбор романа «Война и мир». Киев, Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина. 1895 г. 138 с.

6. Золотухина-Аболина Е.В. «Сотворение мира вниманием»: подступы к проблеме // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. XXVI. – № 4. – С. 177–191.

7. Золотухина-Аболина Е.В. Внимание и существование: знакомство с неизвестным и удостове-

ние наличного // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXX. – № 4. – С. 161–174.

8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

9. Першин Ю.Ю. Архаическое сознание в контексте «военного метадействия» // Армия и общество. – 2014. – 1 (38). – С. 65012.

10. Arnheim R. Visual Thinking. Berkeley: University of California Press. 1969. 348 p.

11. Cook S.A. The Study of Religions. L.: A. and C. Black, 1914. 439 p.

12. Fox R.B. The Pinatubo Negritos: their useful plants and material culture // The Philippine Journal of Science. – Manila. – 1952. – Vol. 81. – № 3-4. – P. 187–188.

13. Guthrie S.E. Faces in the Clouds: A New Theory of Religion. N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1993. 290 p.

14. Westropp Hodder M. Primitive symbolism / Hodder M. Westropp. London : George Redway, 1885. 68 p.

15. Robbins W.W. Ethnobotany of the Tewa Indians / W.W. Robbins, J.P. Harrington, B. Freire-Marreco // Bulletin № 55. Bureau of American Ethnology. Washington: Government Printing Office, 1916. 124 p.

АННОТАЦИИ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ*

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.М. Савина

Правовые основы реабилитации репрессированных народов СССР в 1950–60-е годы

Предметной областью данной статьи является проблема становления и развития правового обеспечения процесса реабилитации репрессированных народов. Автор делает попытку проанализировать положения нормативных актов 1950–60-х годов регламентирующих процесс реабилитации репрессированных народов. Определяются направления работы по реабилитации репрессированных народов в 1950–60-е годы. В заключительной части рассматриваются особенности возвращения народов в регионы из которых они были депортированы.

Ключевые слова: Реабилитация; депортация; репрессивная политика; спецпоселенцы; правовое положение; административный надзор; национальные автономии.

М.Т. Гаджимуратов

Тактика и вооружение русских войск при захвате Дербентской крепости в 1796 г.

В статье описывается вооружение и комплектация русских императорских войск во время похода на Южный Кавказ в 1796 г., а также анализируются тактика боевых действий при взятии хорошо укрепленной крепости Дербент.

Ключевые слова: Русская императорская армия, война, Персия, Кавказ, Дербент, артиллерия, гренадёры, егеря, горцы, штурм крепости.

Т.А. Колосовская

Роль российских военных топографов в основании и географическом изучении Кавказа периода кавказской войны

В статье, на основе архивных источников, опубликованных документов и воспоминаний современников, рассматривается деятельность российских военных топографов на Кавказе в период Кавказской войны (1817–1864 гг.), анализируется их влияние на хозяйственное освоение и географическое изучение новой окраины России. Подчеркивается, что результаты деятельности военных топографов на Кавказе не только положительным образом отразились на его экономическом развитии, но и стали важным приобретением для науки. Исследование показывает, что полевые работы военных топографов, сопряжённые с преодолением трудностей и лишений, создали основу для картографии и в целом географии Кавказа.

Ключевые слова: Кавказская война, военные топографы, географическое изучение Кавказа, И.И. Ходзько, П.Н. Александров, триангуляция Кавказа, восхождение на Арарат (1850 г.)

С.А. Поляков

Офицерский состав Гвардии Семёновского резервного полка в октябре 1917 г.

В данной статье, рассматривается вопрос о офицерском составе Гвардии Семёновского резервного полка в октябре 1917 г.

Ключевые слова: офицеры, Гвардии Семёновский резервный полк, октябрь 1917.

* Аннотации научных статей и сведения об авторах на английском языке размещены на сайтах издателя журнала (<http://nic-nauka.ru/armya-i-obschestvo/>) и Научной электронной библиотеки (<http://elibrary.ru>).